

### **Левое движение в высшей школе Ленинграда (1918-1932 гг.)**

История высшей школы Российской империи начала XX века неразрывно связана с историей студенческого революционного движения. Студенчество становилось питательной средой для различных политических партий социалистического толка и было тесно связано с работой в подполье.

Октябрьская революция 1917 года обычно представляется событием, положившим конец активному студенческому движению, потому как строительство социализма из «маргинальной» задачи превратилось в основу государственной идеологии. Такое представление, сформулированное еще в советской историографии, видится ошибочным. Традиции студенческой политической жизни сохранялись и в советское время (1920-е – начало 1930-х гг.), как сохранилась и популярность левой идеологии, не совпадавшей или частично совпадавшей с той, что транслировалась ЦК РКП(б) / ВКП(б).

Исследование левого студенческого движения в СССР затрагивает две больших темы: 1) легальная и впоследствии подпольная работа в молодежной среде партий, сформировавшихся еще до революции, т.е. эсеров, меньшевиков, анархистов (1918–1927 гг.); 2) деятельность оппозиционных групп, связанная с внутрипартийной борьбой в ВКП(б) (1923–1929 гг.). Каждая из этих тем имеет несколько хронологических этапов.

Первый этап деятельности партий левого толка (имевших дореволюционное прошлое) был связан с использованием органов студенческого самоуправления в политических целях (1918–1920 гг.). Созданные после революции Советы старост и Центральный общестуденческий комитет по существу возглавлялись меньшевиками и эсерами, которые проводили собственных представителей в Советы университетов и институтов, имели собственных агентов в Наркомпросе, использовали студенческие форумы для политической агитации. Запрет партии меньшевиков и эсеров в 1920-х гг. определил начало второго этапа, связанного с подпольной борьбой. Названным партиям приходилось создавать сеть подпольных ячеек, устраивать типографии, налаживать связи с эмигрантами. Несмотря на то что ключевой задачей провозглашалась агитация в среде рабочих, низовые организации эсеров и меньшевиков пополнялись преимущественно интеллигентской молодежью. Эти тенденции были должным образом отрефлексированы к 1923–1924 гг., когда именно студенчество стало называться основной сочувствующей левым партиям средой. Анархисты в своей борьбе пользовались структурами легальной Всероссийской федерации анархистов.

Участие студенчества в левой оппозиции было обусловлено основными этапами борьбы внутри ВКП(б). Этот период отличает также широкое участие вузовских преподавателей во внутрипартийной дискуссии. В 1923 г. во время дискуссии вокруг «Нового курса» студенты были единственными, кто проявил в Петрограде какое-то заметное сочувствие к идеям Троцкого-Сапронова-Преображенского. Наиболее крупными ячейками, проголосовавшими в поддержку оппозиции, были именно вузовские (5 высказалось «за», еще в двух коллективах оппозиция проиграла всего несколько голосов). Центром Петроградской оппозиции был университетский рабфак. В короткий период деятельности новой оппозиции (1925–1926 гг.) на студентов и преподавателей вузов легла

работа по ведению кружков, агитации в печати, сбору партийного актива для голосования в пользу сторонников Г.Е.Зиновьева. Период объединенной оппозиции 1926–1927 гг. характеризовался сочетанием работы легальной (выступление в ячейках, устройство «смычек» и др.) и подпольной (создание типографии, выпуск листовок, агитация в среде беспартийных). На данном этапе студенчество также стало одной из наиболее «отзывчивых» групп населения. Так, в Василеостровском районе крупнейшая ячейка оппозиции находилась в ЛГУ, в Выборгском районе каждый третий из получивших взыскание за фракционную работу являлся студентом. В это же время преподаватели вузов возглавляли отдельные «райкомы» оппозиции. Состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд партии признал оппозицию меньшевистским уклоном и поставил ее деятельность фактически вне закона, что привело к массовым капитуляциям сторонников Троцкого-Зиновьева. Однако отдельные оппозиционеры продолжали борьбу в условиях подполья, при этом вузовцы и на этом этапе составляли значительную часть движения, составляя, по приблизительным подсчетам, около половины его участников.

**Методы выявления и учета противников советской власти:  
возникновение и эволюция «списков» «врагов народа» в 1920-1930-е гг.**

Историография репрессий второй половины 1930-х гг. содержит подробный анализ основных их направлений и характеристику социальных групп, подвергшихся преследованию. Особое внимание уделялось таким источникам как сталинские расстрельные списки («Списки лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного суда СССР»). Вместе с тем, в историографии отсутствует комплексный анализ предпосылок появления этих списков. Недостаточно изучена эволюция системы учета противников советской власти из числа бывших участников небольшевистских партий, белогвардейцев, оппозиционеров и националистов в 1920-е гг.

Анализ источников, отложившихся в партийных архивах, позволяет не только определить этапы формирования списков, но и описать те дискуссии, которые происходили между различными органами власти по вопросу классификации, выявления и применения наказаний к своим политическим соперникам.

В докладе основное внимание уделяется тем органам власти, которые вели учет лиц, позже отнесенных к категории «врагов народа». Это партийные органы: от партийных комитетов учреждений до уровня ЦК РКП(б)-ВКП(б), партийные контрольные комиссии всех уровней, ВЧК-ОГПУ-НКВД.

Органы власти с течением времени переходят от индивидуальных методов фиксации к систематизации и формированию общих списков по различным категориям. При этом стала заметна тенденция конструирования образа «врагов народа», когда каждый орган включал то или иное лицо в списки, исходя из собственных критериев. Главной дискуссией стало противостояние радикальной и умеренной точек зрения. Наиболее острый характер дискуссия приобрела после убийства С.М. Кирова в связи с подготовкой «Кировского потока», когда вопрос о принципах выявления и учета противников советской власти прямо влиял на динамику и направленность репрессий.